Критика и библіографія.

Е. Ѳ. Карскій. Бѣлорусы. Томъ III. Очерки словесности бѣлорусскаго племени. 2. Старая западно-русская письменность. Петроградъ 1921. 8⁰. VIII+246 стр.

Мы давно уже имѣемъ очеркъ исторіи Западной Руси, сдѣланный М. Н. Любавскимъ (къ сожалѣнію, лишь до Люблинской уніи); но цѣльнаго обзора исторіи бѣлорусской литературы — до послѣдняго времени не было. Этотъ пробѣлъ въ значительной степени заполняется новымъ трудомъ акад. Е. Ѳ. Карскаго, уже давшаго въ 1-мъ вып. III тома «Бѣлоруссовъ» очеркъ народной словесности, а въ книгѣ, заглавіе которой приведено выше, — очеркъ древней письменности у бѣлорусовъ въ XV—XVIII вв. За этимъ очеркомъ идетъ значительный выпускъ, обнимающій новую бѣлорусскую литературу, и громадный трудъ, трудъ цѣлой жизни ученаго, можетъ считаться завершеннымъ. Но этого — третьяго выпуска мы здѣсь не касаемся, не считая себя достаточно освѣдомленными въ новѣйшемъ литературномъ движеніи у бѣлорусовъ. Планъ выпуска 2-го таковъ: вслѣдъ за вводною главою о выступленіи народнаго языка въ Западной Руси въ роли литературнаго органа, на фонѣ культурной обстановки, въ которой складывалось и научное и художественное творчество бѣлорусовъ, — слѣдуетъ обзоръ переводной литературы, существовавшей въ Западной Руси съ момента замѣтнаго появленія яркихъ языковыхъ особенностей; тутъ перечисляются и характеризуются переводы на народный и близкій къ народному языку книгъ св. писанія, твореній о. церкви, житій святыхъ, апокрифическихъ памятниковъ, суевѣрныхъ и гадательныхъ книгъ, духовныхъ и свѣтскихъ повѣстей и книгъ историческаго содержанія. Эта необходимая вводная часть занимаетъ около трети книги. Засимъ авторъ обозрѣваетъ, также по видамъ, а внутри каждаго — хронологически — памятники самостоятельнаго творчества старинныхъ бѣлорусскихъ писателей. Онъ даетъ характеристику западно-русскихъ лѣтописей, мемуаровъ, памятниковъ юридическаго характера, стихотворства, религіозныхъ памятниковъ, особенно удѣляя вниманіе полемикѣ съ латинствомъ; наконецъ останавли-

вается на остаткахъ драмы, сохранившихъ бѣлорусскую рѣчь, и на бѣлорусскихъ памятникахъ, написанныхъ арабскимъ письмомъ.

Свѣдѣнія, собранныя акад. Карскимъ о памятникахъ литературы съ любовью и вниманіемъ, — обильны и разнообразны. Съ громаднымъ знаніемъ дѣла онъ изъ разрозненныхъ осколковъ, разбросанныхъ по древнимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, строитъ прочный остовъ будущей исторіи бѣлорусской литературы. Я сказалъ «остовъ» потому, что новый трудъ акад. Карскаго, единственный въ своемъ родѣ, не претендуетъ представить полную и прагматическую исторію литературной жизни старой Бѣлоруссіи: немало еще можно найти для этого матеріаловъ путемъ поисковъ въ библіотекахъ, немало еще придется потратить силъ на изученіе литературныхъ связей и соотношеній между бѣлорусами, поляками, украинцами и обширной великорусской литературой. Но самое главное— первый и самый важный шагъ уже сдѣланъ акад. Карскимъ. Трудъ его построенъ библіографически: послѣдовательно разсматриваются и описываются явленія старой западно-русской письменности по видамъ, а въ предѣлахъ видовъ — хронологически. Очень часто автору, не имѣя за собою предшественниковъ, приходится самому пролагать себѣ путь среди рукописнаго матеріала, еще не изученнаго и впервые привлекаемаго къ научному изслѣдованію. Въ результатѣ — интересные и цѣнные экскурсы. Самымъ труднымъ и сложнымъ вопросомъ для историковъ какъ украинской, такъ и бѣлорусской старинной литературы, является вопросъ о томъ, какъ размежевать эти сосѣднія и порою тѣсно связанныя въ историческомъ развитіи области: вѣдь рядъ памятниковъ бѣлорусскихъ вошелъ въ литературу Украины; наоборотъ рядъ памятниковъ несомнѣнно украинскаго происхожденія — читался и переписывался въ Бѣлоруссіи. Акад. Карскій, сознавая это, все же не избѣгъ нѣкоторыхъ «заимствованій» изъ украинской литературы. О нихъ онъ часто и самъ оговаривается: отмѣчая малорусизмы. Конечно, можно бы возразить противъ зачисленія этихъ памятниковъ въ репертуаръ бѣлорусской литературы, но на первыхъ ступеняхъ работы, въ моментъ выясненія наличнаго матеріала, даннаго западно-русской литературной продукціей это вполнѣ возможно, да и трудно устранимо. Къ тому же, наоборотъ, вслѣдствіе общности культурно-историческихъ условій и литературныхъ вкусовъ XVI—XVIII вв. также и историку украинской литературы неизбѣжно придется говорить въ своей работѣ о цѣломъ рядѣ не только предположительно, но опредѣленно бѣлорусскихъ памятниковъ, безъ которыхъ многое, — особенно въ области религіозной полемики, стихотворства, проповѣди — будетъ казаться совершенно непонятнымъ, чудомъ создавшимся, безъ корней и основы; но все же, кажется намъ, въ заимствованіи данныхъ изъ сосѣд-

ней и родственной литературы должна быть соблюдаема мѣра: какъ историкъ украинской литературы свободно можетъ обойти, напр., литературную дѣятельность Іосафата Кунцевича, Литовскій Статутъ, какъ памятникъ литературный, такъ, съ другой стороны, едва ли возможно историку бѣлорусской (*западно*-русской, не южно-русской) литературы зачислять въ предѣлы ея украинца — галичанина Ивана Вишенскаго, переводъ изъ Стрыйковскаго (стр. 91) и многое другое, явно обнаруживающее своимъ языкомъ не бѣлорусское, а украинское происхожденіе. Сомнительнымъ кажется намъ и зачисленіе Ив. Мелешка въ бѣлорусскіе писатели, да и у Кмиты наблюдается рядъ малорусизмовъ; неясно, почему сборникъ 1483 г. Кіево-Мих. мон. № 1655 отнесенъ въ разрядъ бѣлорусскихъ. Богогласникъ (стр. 146 и сл.), хотя онъ и былъ популяренъ (но далеко не такъ, какъ думали до изсл. С. А. Щегловой) среди бѣлорусовъ, слѣдуетъ признать памятникомъ украинскимъ, и не только потому, что онъ былъ напечатанъ въ Почаевѣ въ 1791 г., а также и потому, что старшій изъ его предковъ, Виленскій рукописный 1720—40 гг., отличается всѣми признаками украинскаго, а не бѣлорусскаго происхожденія.

Въ трудѣ, дающемъ не столь «исторію литературы», сколь «литературную исторію» творчества бѣлорусовъ, умѣстна была бы бо́льшая библіографическая полнота: вѣдь теперь *всякое* историко-литер. изслѣдованіе въ области бѣлорусской старины будетъ неизбѣжно отправляться отъ труда акад. Карскаго; онъ будетъ служить базисомъ для оріентировки въ вопросахъ будущей прагматической исторіи бѣлорусской литературы. Поэтому позволяемъ себѣ, въ видахъ возможнаго новаго изданія разсматриваемаго труда, сдѣлать нѣсколько библіографическихъ указаній. Книга Есѳирь въ перев. съ древне евр. к. XV — н. XVI в. издана была полностью мною по рукоп. Вил. Публ. Б. въ Зап. Укр. Науков. Товар. в Київі т. VI; Плачъ Іереміи — мною же по той же рукоп. въ брошюрѣ «Новые труды о жидовствующихъ XV в. и ихъ литературѣ» (изъ Кіевск. Унив. Изв.) 1908 г.; Книга Руѳь — мною же V, отд. брошюрой, б. г., всѣ эти тексты — съ небольшими изслѣдованіями о языкѣ ихъ и соотношеніи съ др.-еврейскимъ оригиналомъ. О «Логикѣ» жидовствующихъ — кромѣ статьи Бедржицкаго, оцѣненной акад. Коковцевымъ по достоинству (Ж. М. Н.Пр. 1910), слѣдуетъ имѣть въ виду изданіе текста съ введеніемъ по рукоп. 1483 г. въ брош. С. Л. Невѣрова «Логика іудействующихъ», 1909 (и Кіев. Ун. Изв.); о западно-русскихъ лѣтописяхъ — въ «Опытѣ р. исторіографіи» акад. В. С. Иконникова и в новѣйшей работѣ Ф. П. Сушицкаго; о проповѣдничествѣ Леонтія Карповича и Мел. Смотрицкаго (хотя и бывшаго Полоцкимъ архіеп., но уроженца Подоліи воспитанника Острожской школы) — см. въ работахъ С. И.

Маслова: «Наука Л. Карповича в неділю перед Різдвом» 1908 (Зап. У. Н. Т. в Київі, II); Казанье М. Смотрицкаго на честный погребъ о. Л. Карповича. 1908 (изъ Чт. О. Нест. лѣт. XX); о литературныхъ трудахъ старца Артемія — новѣйшее изслѣдованіе, съ прилож. текстовъ, принадлежитъ С. Вилинскому: «Посланія старца Артемія» 1906; слѣдовало бы, кажется, привлечь къ дѣлу и зап.-русскій переводъ «Пренія живота и смерти» — «De morte prologus», изд. А. А. Круазе ван-дер-Копъ и зап.-русскій переводъ Просвѣтителя Іосифа Волокол. (Библіогр. лѣтоп.). Замѣтимъ еще, что можно очень пожалѣть о лаконичности автора, когда онъ касается стариннаго стихотворства, начиная съ А. Рымши; безспорно, для насъ, людей XX вѣка, они совершенно не имѣютъ литературнаго достоинства; но они требуютъ къ себѣ иного подхода — не суда съ точки зрѣнія современныхъ намъ эстетическихъ и общественныхъ понятій, а сравнительнаго анализа на фонѣ параллелей аналогичнаго латинскаго и польскаго стихотворства эпохи Ренессанса и барокко. Нельзя согласиться (стр. 27) съ тѣмъ, что вирши Скорины «силлабическіе»; это просто *разносложныя* риѳмованныя строки — въ заповѣдяхъ, а въ концѣ предисл. къ Есѳири — даже и не риѳмованные. Приводимый по Романову (стр. 48—49) «Сонъ Богородицы» — «собственно не бѣлорусскій» по замѣчанію самого автора книги; поэтому полезно было бы процитировать видѣнные имъ бѣлорусскіе списки.

Какъ произведеніе типографскаго искусства, разсмотрѣнная нами книга выдѣляется чистотой и строгимъ изяществомъ работы, рѣдкими въ наше время. Но чувствуются и его слѣды; кромѣ отмѣченныхъ на стр. 242 опечатокъ, укажу довольно коварныя опечатки, дающія не точное представленіе о памятникѣ и авторѣ; такъ на стр. 128 въ стихотв. «хронологіи» А. Рымши вм. «елюль» — «еюль», въ мѣсяцѣ въ декабрѣ во второмъ стихѣ — пропущено слово «*наши*», слѣдуетъ: «нехто иный, тотъ избавилъ души *наши* самъ». На стр. 41 вм. «Л (еонтій) Карповичъ» оказался А. Карповичъ. Но каковы бы ни были эти мелкіе недосмотры и опечатки — главная цѣль, поставленная себѣ авторомъ, — содѣйствовать освѣщенію прошлаго Западной Руси «съ цѣлію уясненія взаимныхъ силъ и способностей» сожительствующихъ въ ней племенъ, бѣлорусовъ и ихъ старыхъ сосѣдей и былыхъ правителей» — можетъ считаться достигнутой. Только на основѣ взаимнаго уваженія народностей и совмѣстной культурной работы могутъ существовать государства съ разноплеменнымъ составомъ населенія. «Если читателю станетъ ясно, что новые связи и отношенія должны основываться не на принципѣ подавленія и угнетенія народностей, а на гармоническомъ и всестороннемъ свободномъ развитіи каждой изъ нихъ,

авторъ сочтетъ свой трудъ не пропавшимъ даромъ» — такъ заканчиваетъ предисловіе къ своей книгѣ акад. Карскій. Вполнѣ увѣренные, что этотъ трудъ сыграетъ немаловажную роль въ дальнѣйшемъ изученіи судебъ не только бѣлорусской, но и украинской, литературной и культурной традиціи, мы можемъ только присоединиться къ этимъ прекраснымъ заключительнымъ словамъ.

В. Перетцъ.

А. И. Никифоровъ. Русскія повѣсти, легенды и повѣрья о картофелѣ Казань, 1922, 8°. 86 стр.

Въ небольшомъ, но очень интересномъ изслѣдованіи А. И. Никифоровъ обстоятельно разсматриваетъ вопросъ о возникновеніи и судьбахъ старинныхъ повѣстей о картофелѣ, особенно популярныхъ у старообрядцевъ, и въ письменномъ видѣ, и въ видѣ устныхъ разсказовъ. Мой этюдъ (въ сборникѣ «Памяти Л. Н. Майкова») и статья А. Назаревскаго (Русск. Фил. Вѣстн. 1911) послужили автору изслѣдованія отправнымъ пунктомъ. Съ помощью новаго, собраннаго имъ рукописнаго и народнаго устнаго матеріала, Никифоровъ не только пересмотрѣлъ, но радикально измѣнилъ всѣ представленія наши о «картофельной» легендѣ. Всю совокупность списковъ ея онъ дѣлитъ на двѣ группы: 1) *первая* повѣсть представлена однимъ пересказомъ и тремя списками XVIII и XIX в.; 2) *вторая* повѣсть — однимъ пересказомъ и пятью списками XIX в. Авторъ изслѣдуетъ взаимоотношенія списковъ каждой повѣсти и приходитъ къ возстановленію ихъ архетиповъ вполнѣ удачно, поскольку позволяютъ данныя списковъ. Для объясненія общихъ мѣстъ обѣихъ повѣстей онъ обращается къ отдѣльнымъ «изреченіямъ» о картофелѣ, разбросаннымъ по рукописямъ. Въ этихъ изреченіяхъ онъ видитъ общій источникъ обѣихъ повѣстей — положеніе, которое не для всѣхъ будетъ убѣдительно, ибо вполнѣ возможно, что въ этихъ изреченіяхъ мы имѣемъ не эмбріонъ будущей повѣсти, а извлеченія изъ нея, порою не особенно связно и толково изложенныя (см. стр. 21); однако *общая* основа обѣихъ повѣстей на нашъ взглядъ несомнѣнна, и этою основой, повидимому, является старшая (относящаяся къ XVII в.) повѣсть о табакѣ, что признаетъ и А. И. Никифоровъ (стр. 25). Что касается связей съ народной устной традиціей, авторъ собралъ громадный матеріалъ; но онъ не особенно внимательно отнесся къ письменной. Ему извѣстна по моему указанію повѣсть о Мамерѣ; ему извѣстна и повѣсть о табакѣ, но, кажется совер-